

Вячеслав Быстров

ПО СТРАНИЦАМ ДЕТСКИХ «ЖУРНАЛОВ» САШУРЫ БЛОКА

Статья знакомит с кругом чтения Александра Блока в раннем возрасте. Указана роль матери поэта, А. А. Кублицкой-Пиоттх, его тетки, М. А. Бекетовой, и других близких родственников в развитии творческих задатков мальчика. Этому способствовала вся особая атмосфера почитания искусства, литературы, науки, которая царил в семье Бекетовых. Рассмотрен по-своему уникальный случай с самодельными «журналами»-малютками («Журнал для деток», «Корабль» и др.), которые Саша в семь-восемь лет создавал с помощью матери. Основное внимание уделено творчеству Блока-подростка, представленному в домашнем рукописном «журнале» «Вестник». Сделан краткий обзор текстов Блока-гимназиста, сочиненных в разных жанрах (стихи, прозаические миниатюры, драматические сценки и др.). Отмечено влияние на юного Блока образцов русской и мировой литературы: он и сознательно, и невольно подражал им. В статье используются и публикуются архивные материалы из фондов ИРЛИ РАН. Впервые воспроизводятся неопубликованные юношеские переводы Блока с французского языка, снабженные примечаниями. Текст дополнен иллюстрациями, дающими представление о рукотворном «журнале» (обложка одного из номеров, начальные страницы сказок «Несчастия Аргентина» и «Три замка Рибовильи»).

Ключевые слова: круг чтения Блока-ребенка, детский журнал Блока «Вестник», переводы Блока-гимназиста, детские стихи и проза Блока

Поначалу создание домашних журналов было своеобразной увлекательной игрой, в которой Сашура (как ласково звали близкие в детстве Александра Блока) выступал в роли и сочинителя, и «издателя». Инициатором и вдохновителем являлась его мать, Александра Андреевна Кублицкая-Пиоттх. Игра зародилась еще в раннем детстве: в ту пору, о которой тетка поэта Мария Андреевна Бекетова, первой познакомившая читателей с творчеством Блока-ребенка, вспоминала:

С семи лет <...> Саша начал увлекаться писанием. Он сочинял коротенькие рассказы, стихи, ребусы и т. д. Из этого материала он составлял то альбомы, то журналы, ограничиваясь одним номером, а иногда только началом. Сохранилось несколько маленьких книжек такого рода [Бекетова 1990, 223].

«Журналы»-малютки 1888–1890 гг. («Моей милой мамочке!..», «Журнал для деток», «Корабль» и др.) представляют собой либо самодельные, либо школьные линованные тетради. Чаще всего ребенок писал в них своей рукой печатными буквами. Эти рукописные «издания» имели такие атрибуты, как название, оглавление, цена и т. д. Любопытна надпись на обложке одного из них: «ежемесячный журнал “Корабль” получается двенадцать раз в год».

Вот, к примеру, одно из стихотворений семилетнего Сашуры:

Кот

Жил-был маленький котенок,
И совсем еще ребенок.
Ну, и этот котя милый
Постоянно был унылый.
Почему? никто не знал
Котя это не сказал¹

З. Г. Минц, изучив «журналы»-малютки, отметила, что уже в первых стихотворных и прозаических опытах восприимчивого мальчика чувствовалось влияние чужого слова:

...это и Пушкин (отрывок «Палтава», строки из этой же пушкинской поэмы в стихотворении «Челнок», интонации «Рыцаря бедного» в «Жил на свете котя милый...», экспозиция рассказа «Лопари», «Они жили в убогой лачушке, около моря» — перефразировка начальных стихов «Сказки о рыбаке и рыбке» и др.), и тургеневский «Бежин луг» («Стадо»), и «Конёк-Горбунок», <...> и переводная литературная сказка («1001 ночь», Гофман), и «Робинзон Крузо», старательно пересказанный в «повести» «Буря» [Блоковский сборник–2 1972, 294; сохранено правописание Саши Блока].

Безусловно, в развитии Блока-ребенка многое определяла особая атмосфера семьи Бекетовых, в которой рос мальчик. Мария Андреевна, вспоминая свое детство, писала:

Причина того, что я полюбила чтение, а потом захотела писать, была та исключительная литературность, которой отличалась наша семья, главным образом мать...²

Рис. 1. Обложка сборника «Колос» (1893)

Она же свидетельствовала о том, что в ранние детские годы Саше довольно часто читали вслух:

Вначале ему нравилось больше всего смешное и забавное. Быстро выучил он наизусть «Степку-Растрепку», «Говорящих животных», «Зверки в поле и птички на воле» и разные присказки, загадки и стишки из книжек так называемой Ступинской библиотеки³. <...> Лет в 6 появился у Саши вкус к героическому, к фантастике, а также к лирике. Ему читали много сказок — и русских, и иностранных. Больше всего ему нравился «Царь Салтан». Тогда же полюбил он «Замок Смальгольм»⁴, узнал он и «Сида»⁵ в переводе того же Жуковского. Наслушавшись этого чтения, он дал няне Соне прозвище в духе испанского романсеро: «Дон Няня благородный по прозвищу Слепая» [Бекетова 1990, 220–221].

История детских рукописных журналов получила продолжение в 1893 г., когда 19 августа вышел в одном экземпляре «Сборник сочинений А. Блока и Ф. Кублицкаго-Пиоттуха»⁶, составленный в Шахматове и получивший название «Колос» (Рис. 1). Текст в тетради был написан рукой матери. Она же, как указано на оборотной стороне заглавной страницы, являлась «цензором, редактором и издателем». Блоку в «Колосе» принадлежали сказка-миниатюра «Сон», перевод маленького рассказа неизвестного французского ав-

Рис. 2. Саша Блок — гимназист (1893)

тора «Это ты!» и два стихотворения: «Поток» и «Водопад»⁷. Текст последнего звучит так:

Водопад

С горы низвергаясь,
Шумит водопад,
Блестящие брызги
Над пеной летят.
И с шумом каскады,
Срываясь с берегов,
Уносят громады
Столетних дубов⁸.

Сборник «Колос» стал прелюдией уже действительно периодического рукописного журнала. (Рис. 2). Блок-подросток взялся за дело со всей основательностью и упорством. С января 1894 г. начинают регулярно выходить «номера» журнала «Вестник». Всего их вышло 37. В 1894–1895 гг. были подготовлены также 4 полугодовых приложения⁹.

Блок стал «издателем», редактором и основным автором журнала, его мать — «цензором». «Вестник» выходил в одном экземпляре. Текст он всегда писал сам, нередко иллюстрируя его рисунками пером и красками. В журнале много картинок-вырезов, которые Сашура брал в основном из «Нивы», приложений к газете «Новое время» и других изданий.

Участниками этой серьезной затеи были Феликс (Фероль) Кублицкий-Пиотгух, тетки Мария Андреевна, Екатерина Андреевна и Софья Андреевна Бекетовы, муж Е. А. Бекетовой П. Н. Краснов¹⁰, бабушка Елизавета Григорьевна Бекетова, дед Андрей Николаевич Бекетов (в роли иллюстратора) и Сергей Соловьев, троюродный брат Блока.

Примечательна переписка юного «редактора-издателя» с одним из его «сотрудников». 10 марта 1895 г. он обратился к Е. Г. Бекетовой с просьбой:

Дела «Вестника» идут хорошо. <...> Напиши, пожалуйста, стихотворение... Также я очень не отказался бы от прозы твоего сочинения [Письма к родным 1927, 26].

18 марта остроумная бабушка откликнулась на просьбу внука: Препровождая при сем рукописную статью под заглавием «В лесу», покорнейше прошу Редакцию почтить меня отзывом, годится ли она для уважаемого Вашего издания и могу ли я надеяться видеть ее со временем на страницах «Вестника»? Остаюсь с превеликим почтением, в трепетной надежде и в припадке инфлуэнцы готовою к услугам Елизавета Бекетова¹¹.

30 марта Е. Г. Бекетова вновь написала «издателю» «Вестника»: Глубокоуважаемый Господин Редактор! Спешу уведомить Вас, что в вознаграждение за сотрудничество предпочитаю получить *орден*, тем более что никогда еще такового не получала и сочту для себя лестным изукраситься таким знаком отличия... С совершенным почтением, готовая к услугам Вашим Елиз[авета] Бекетова¹².

Конечно, Блок в оформлении копировал популярные в то время издания. Так, в первом номере за 1894 г. он поместил следующее объявление от редакции:

Условия подписки. 1) Журнал «Вестник» издается в 1894 году (первый год издания). 2) Каждый номер журнала по возможности высылается в первых числах месяца. 3) Жалобы и просьбы адресовать в главную контору журнала: С-Петербургская сторона. Казармы Л[ейб] Гв[ардии] Гренадерского полка, кв. 2. 4) Каждый из подписчиков может быть и сотрудником для журнала, что даже желательно для редакции. Редактор А. Блок. 1894 [Дикман 1980, 205].

Завершая первый год издания журнала и намереваясь продолжить его в следующем году, Блок решил внести некоторые коррективы. Об этих планах он извещал «подписчиков» в № 12 за 1894 г.:

Несколько слов от редактора журнала «Вестник». Г-да подписчики и сотрудники, сердечно благодарю всех вас за то, что мой журнал в первый же год своего создания обратил на себя столько внимания с вашей стороны. Он с первых же месяцев обогатился произведениями столь хороших литераторов, как, например: г-жа Бекетова и г-н Краснов. Надеюсь, что вы и в 1895 году не покинете его. Направление моего журнала теперь совершенно определилось, оно было в 1894 году чисто беллетристического характера: но теперь я очень попросил бы господ сотрудников, чтобы кто-нибудь из них помещал в мой журнал в 1895 году статьи из более или менее выдающихся случаев общественной жизни: в ноябре месяце 1894 года сильно недоставало статьи, хотя бы краткой, о в бозе почившем государе Александре III. Также попросил бы очень стихотворений лирического характера и жизнеописаний известных личностей. Условия подписки в 1895 году будут изданы на отдельном листке формата журнала, и вообще он будет гораздо совершеннее в будущем году. Примите и проч. Редактор журнала «Вестник» А. Блок [Дикман 1980, 213].

В № 1 за 1896 г. в объявлении от редакции появились новые пункты, в частности, такие:

Цензор и редактор могут изменять статьи, смотря по содержанию. Рукописи просят отдавать всем членам редакции журнала. Подписка может быть прекращена по усмотрению членов редакции, о чем будет объявлено в журнале *заранее* [Дикман 1980, 206; курсив Блока].

Последний пункт, возможно, свидетельствовал о том, что пятнадцатилетний Блок начинал понемногу охладевать к своему детищу и намеревался со временем прекратить «издание». Хотя в октябрьском номере за 1896 г. он извещал читателей о предстоящей подписке на 1897 г., но вскоре отказался от своего намерения. В № 12 за 1896 г. появилось сообщение:

Многоуважаемые читатели! Я прекращаю издание «Вестника», не передавая никому права продолжать это издание под тем же именем. Имею честь принести искреннюю свою благодарность всем сотрудникам и особенно г-же Бекетовой и г-ну Соловьеву. Все статьи и отрывки, которые у меня были, я помещаю в этом последнем номере. Примите и проч. Редактор А. Блок [Дикман 1980, 214].

Ниже следовало заявление матери Блока, выразившей свое глубокое сожаление:

С душевным прискорбием извещаю всех подписчиков об окончании издания журнала «Вестник». Журнал этот, просуществовав три года,

медленно закатился по желанию самого редактора. Причины этого заката таинственны. Редактор находится в удрученном состоянии. 2 ноября 1896 года Цензор А. Кублицкая-Пиоттух [Там же].

Прощальный номер вышел в январе 1897 г. М. А. Бекетова так охарактеризовала ситуацию:

...Журнал перестал издаваться по очень простой причине: возня с рукописями, переписыванием, картинками и пр. надоела редактору. Ему приелась игра в журнал. В 16 лет у него явились новые интересы: театр, товарищи, наступила пора возмужалости и романтических грез [Бекетова 1990, 243–244].

Диапазон «Вестника» был не слишком обширен. И всё-таки журнал дает довольно отчетливое представление о самовыражении поэта в раннюю пору его жизни. М. А. Бекетова констатировала, отмечая особенности взросления Блока-подростка:

«Вестник» издавался три года: начался он, когда Саше было 13 лет, прекратился, когда ему минуло 16. Это немалый период для такого юного возраста. Внимательное рассмотрение материала «Вестника» дает очень интересные результаты, указывая на рост развития Саши за эти три года. Тут особенно ясно обнаруживается, как медленно шло его развитие в смысле житейского опыта и зрелости и насколько быстрее развивались его литературные вкусы и способности. В 16 лет Саша остался почти таким же ребенком, как и в 13. Его интересы — кроме литературных — остались те же. <...> Жил он тогда бессознательно, «как во сне», — говорил он сам про себя уже в зрелые годы. Он и не подозревал ничего о мире, о том, как живут вообще люди, а наша семья была очень исключительная [Бекетова 1990, 233, 245].

Чаще всего Блок подписывал произведения своим именем, но иногда использовал и псевдонимы: «Абэ», «Мамин». Свои сочинения и переводы он публиковал, за редким исключением, в каждом номере, особенно много их появилось в 1894–1895 гг. (Рис. 3).

Несомненно, что в большинстве произведений сказались различные литературные влияния. Блок-подросток нередко просто копировал знакомые ему образцы. К примеру, он испытал явное влияние мастеров авантюрного жанра: с увлечением читал романы Купера, Майн-Рида, Жюль Верна и пытался подражать им [Бекетова 1990, 46, 231, 236]. Следы этого воздействия видны, в частности, в маленькой повести «По Америке, или В погоне за чудовищем» (1894. № 1–2, 4–8); для нее характерны быстрая смена эпизодов, нагромождение событий; здесь — и экзотические картины Амазонки, и бесстрашные герои, которых всюду подстерегают опасности.

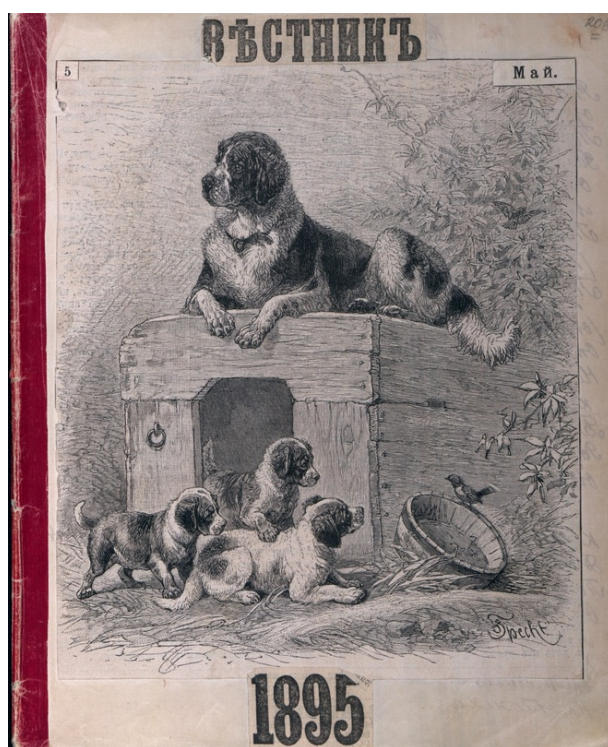

Рис. 3. Обложка рукописного журнала «Вестник» (1895. № 5. Май)

На лирических стихах Саши Блока заметно сказалось влияние русских поэтов, творчество которых было знакомо ему с ранних лет: Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Полонского. Многие стихотворения откровенно подражательны: «Вечер» («Ночь идет. Заходит солнце...»), «Весна» («Весною, раннею порою...»), «Осенний вечер» («Цветы полевые завяли...»), «Судьба» («То было в осеннюю темную ночь...»), «Водопад» («Вечереет; над болотом...») и др.

Приведем одно из них (написано в 1894 г., когда Сашуре было 13 лет):

Осенний вечер

Цветы полевые завяли,
 Не слышно жужжанье стрекоз,
 И желтые листья устлали
 Подножье столетних берез.
 Звезда за звездой катится,
 И тонет в лазури она,
 Роса на траве серебрится,
 В прозрачном тумане луна.

И звон колокольный далёко
Несется, гудит за рекой,
И темное небо глубоко,
И месяц стоит золотой...

[Вестник. 1894. № 10. Л. 110 об.]

Как полагает М. И. Дикман, это стихотворение свидетельствует о том, что в некоторых отроческих стихах Блока о природе, «несмотря на подражательность, незрелость», «пробиваются искренность чувства и “стремления к *musique*”» [Дикман 1980, 210].

Примечательно, что после № 10 за 1895 г. Сашура уже не помещал своих стихотворений; вероятно, он их почти не сочинял. По мнению М. А. Бекетовой, стихи удавались Блоку лучше, чем проза, но всё-таки произведения того и другого рода были примерно одного уровня.

Начиная с 1895 г. юный Блок включает в «Вестник» свои произведения юмористического характера. Это не случайно. Шутки, остроты, разные смешные жизненные ситуации, розыгрыши, комические сочинения (Козьмы Пруткова, например) привлекали его с детских лет. Мария Андреевна вспоминала:

Саша в те годы совсем не читал газет, он изучал только объявления — с юмористической точки зрения, что и заметно по “Вестнику”. <...> Объявления “Вестника” имеют по большей части или рекламный, или обиходный характер. <...> Саша изоощрялся в придумывании разнообразнейших реклам в форме советов, диалогов, восклицаний и даже рисунков [Бекетова 1990, 234].

С № 1 за 1895 г. появляется шуточный отдел «Обиходная рецептура» с его нарочито абсурдными «житейскими» советами (за подписью «Абэ»): «Как вывести блох?», «Как отрезать хвост волку, не причиняя ему ни малейшей боли?» и т. д. Отдел состоит из 4-х частей. Три «рецепта» пока не были опубликованы. Прочитируем здесь два из них:

Как отрезать хвост волку, не причиняя ему ни малейшей боли?

Возьмите с собой четырех хорошо дрессированных, больших собак, подойдите к волчьей норе и заставьте своего лакея выть по-волчьи как можно громче. Волк подумает, что его зовут товарищи, и выйдет; тогда скажите ему какую-нибудь неприятность, без сомнения, он ответит вам тем же; тогда, ссылаясь на обиду, дерните его за хвост; он полезет в драку. Но вы не теряйте присутствия духа и прикажите вашим собакам кусать его за ноги. Когда он не в состоянии будет двигаться,

подкрадитесь сзади и придушите его. Затем, вынув перочинный ножик из левого кармана, отрежьте волку хвост;

Уход за золотой рыбой

В прошлом году, на Вербях, мы купили 2-х золотых рыб. Одна скоро околела, а другая жива до сих пор и очень выросла. Ей раза 3–4 в неделю меняют воду, оставляя около 1/3 старой воды. Дают ей муравьиные яйца в очень небольшом количестве (в день штук 20). Над ней открывают форточку, что нисколько не вредит ей. Плавает она в узкой банке, стоящей на окне. На дно банки кладут камешки и песок, в которых рыба часто роется [Вестник. 1895. № 1. Л. 162 об., № 3. Л. 179].

С детства наделенный чувством юмора, поместил Блок и несколько шуточных стихотворений, иногда сопровождая их рисунками: «По водам глубоким Нила...» (1895, № 3), «Несвязный лепет (пародия на что-то)» (1895, № 4), «Посвящается Диане» (1896, № 6), «Юмористическое стихотворение» (1896, № 7), «Письмо денщика к горничной» (1896, № 10). Последнее сочинялось, когда Блоку было без малого 16 лет:

Письмо денщика к горничной

Тебе одной, моя невеста,
Я чистить буду сапоги!

О том, что буду я без места,
Ты даже думать не моги!

Мой барин любит страсть ругаться,
От водки вовсе я отвык.

Но всё ж готов я нализаться,
Коль выберу свободный миг.

С тобой не выпью и стакана
И нарублю тебе я дров.

Теперь прощай, моя Татьяна!
Твой остаюсь:

Иван Петров
[Вестник 1896. № 10. Л. 454 об.–455]

Пробовал Блок сочинять и драматические произведения. Интерес к ним появился именно тогда, когда он близко познакомился с театром, который произвел на него сильное впечатление. М. А. Бекетова особо отметила этот факт блоковской биографии:

В 1894 году Саша в первый раз попал в драматический театр. <...> Сохранилось письмо Саши к бабушке с описанием впечатления от первого спектакля, виденного им в Александринском театре. Письмо от 16 января 1894 г., значит, ему уже минуло 13 лет. Вот выписки из него: «Сегодня мы были с мамой вдвоем в Александринском театре и видели “Плоды просвещения”. Это мне ужасно понравилось, и я хочу очень опять попасть туда. <...> Мне особенно понравился спиритический сеанс» [Бекетова 1990, 231].

Первым опытом Блока в этом жанре стала «драма в 2-х действиях с прологом» «Король Пингвинов» (1894, № 3–6). Это было вольное переложение назидательной пьесы неизвестного французского автора. Когда Блок задумал поставить ее, он изменил французские имена на русские и внес в первоначальный текст некоторые поправки, оживлявшие диалоги героев. Вторым опытом явилась «раздирательная драма в 3-х действиях» «Поездка в Италию», которую Блок сочинил совместно с Феликсом Кублицким-Пиоттух (1896, № 10–11). Драма претендовала на то, чтобы произвести некий комический эффект, но сюжетные ходы оказались слишком наивны и просты, а герои (Поляков и Рупоров) чрезвычайно неестественны.

Значительное место в «Вестнике» занимают переводы стихов и прозы. Нельзя и тут не отметить несомненное влияние семьи Бекетовых: переводчиками были и мать, и бабушка, и тетки Блока. «Все мы работали тогда в журнале “Вестник иностранной литературы”», — свидетельствовала Мария Андреевна Бекетова [Бекетова 1990, 248].

В основном юный Блок переводил с французского. М. А. Бекетова вспоминала:

...присутствие в доме сестры Софьи Андр[еевны]¹³ гувернанток-француженок так заставило Сашу говорить по-французски и читать французские книжки. Он говорил с ошибками и неуклюже, но мог вполне удовлетворительно объясняться и выражать свои мысли [Бекетова 1990, 232].

Примечательно, что в 1895 г. Блок подарил матери тетрадь со стихотворениями французских поэтов; его рукой были переписаны на французском языке стихи Ж. Ришпена, Сюлли-Прюдома, Поля Верлена (на оборотной стороне обложки помета: «Маме. 19 мая, 1895 года»)¹⁴.

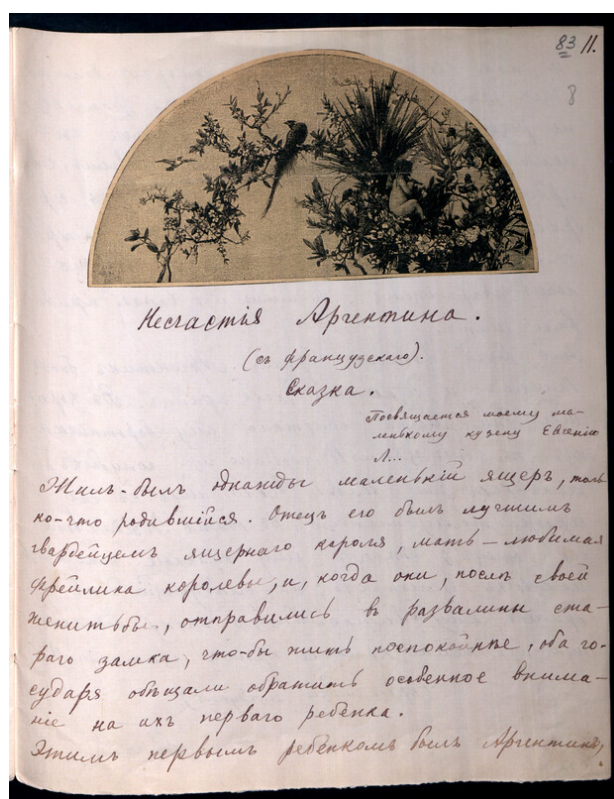

Рис. 4. Первая страница сказки «Несчастия Аргентина»

Произведения, выбиравшиеся Блоком для перевода, поначалу были несложными — детские рассказы, миниатюры, сказки: «Два слепых и их собака», «Несчастия Аргентина» (Рис. 4), «Это бездельник!» и др. Затем Блок стал брать вещи более серьезные, уровень его переводов со временем повышался. Наряду с незатейливой нравоучительной беллетристикой появляются произведения классиков: «Орфей и Эвридика» Овидия (1895, № 5–9), «Бабушка» Виктора Гюго (1895, № 7), отрывок из «Евгении Гранде» Бальзака (1896, № 2), 1-я песнь «Энеиды» Вергилия (1897, № 1).

Вниманию читателей предлагается подборка неопубликованных переводов текстов, взятых Сашей Блоком из французского детского журнала «*Mon Journal: Recueil mensuel pour les enfants de cinq à dix ans*» («Мой журнал: ежемесячный сборник для детей от пяти до десяти лет»; далее — *Mon Journal*). Комплект журнала подарила ему на день рождения его тетка Екатерина Андреевна Бекетова с надписью: «A mon cher petit Alexandre le 16 Novembre 1889. Tante Catherine» («Моему дорогому маленькому Александру 16 ноября 1889. Тетя Екатерина» — фр.)¹⁵.

Это ты!
(С французского)

Жорж весь красный-прекрасный. Он только что перерыл весь ящик, ища свою книгу для чтения. А так как его маленькая сестра Виктория около наблюдает за всем этим гвалтом, он вдруг оборачивается к ней и говорит: — Это ты? — Кто я? — Ты у меня взяла ее? — Что я у тебя взяла? — Мою книгу для чтения. — Да нет! — Да-да, у меня всегда берут мои вещи. — Скажи-ка, мой Жорж, — говорит Виктория, подумав немного, — не оставил ли ты ее в гроте, куда ты снес ее вчера после обеда? Жорж ударяет себя по лбу, исчезает, как стрела, и действительно возвращается с книгой! Ночью было свежо, переплет и несколько листков были немного сыры. Но ее положили сушиться на плиту, и почти никаких следов не осталось. Прибавляю, что Жорж, войдя, поцеловал свою маленькую сестрицу. И действительно, она заслужила это.

Авторизованный список: Колос. 1893, август. Л. 12–12 об.; подпись: «А. Блок»; рукой А. А. Кублицкой-Пиоттух.

Перевод этюда под названием «C' est toi!» сделан Блоком с этюда неизвестного автора с инициалами «J. G.», который был напечатан в *Mon Journal* (1889. № 6. 15 mars. P. 95).

По мнению М. А. Бекетовой, перевод выполнен двенадцатилетним Блоком хорошо, а «самый рассказ, при большой краткости, имеет свой интерес, хотя основан не на происшествии, а на психологии» [Бекетова 1990, 232].

Несчастия Аргентина
Сказка
(С французского)

Посвящается моему маленькому кузену Евгению Л...

Жил-был однажды маленький ящер, только что родившийся. Отец его был лучшим гвардейцем ящерного короля, мать — любимая фрейлина королевы, и, когда они, после своей женитьбы, отправились в развалины старого замка, чтобы жить поспокойнее, оба государя обещали обратить особенное внимание на их первого ребенка. Этим первым ребенком был Аргентин, и так как другие яички, которые должны были дать ему много маленьких братьев, не разбивались, он был единственным сыном. Он был желанным и красивым, как сердце, в своей жемчужно-матовой с серебристым оттенком одежде; отец с первого же дня объявил, что он будет прекрасным гвардейцем. «Лучшим из всех», — прибавила мать. Это было веселое время. Аргентин был

балуем и изнежен, как принц. В хорошие дни мать сплетала ему воротнички из полевых цветов, особенно из голубых, так как это более всего шло к его серебристому платью. В один дождливый день отец сделал ему красные сапоги из маковых лепестков; на следующий день он принес ему великолепную каску, сделанную из темно-красного крыла цитонии¹⁶. Но это счастье продолжалось недолго: скоро новое, многочисленное семейство обратило на себя внимание родителей, и Аргентин, на время покинутый, подумал, что о нем совсем забыли. Тогда он сделался скучным, угрюмым и ворчливым; щель в стене, где было их гнездо, показалась ему слишком тесной, завтрак, приготовленный родителями, — менее обильным, и каждый кусок не таким вкусным, — как будто он сам не должен был поохотиться за хорошим аппетитом и хорошей дичью. Даже отдых не казался ему таким приятным, и он вооружился против солнца, которое обвинял в потере теплоты. В действительности же всё вокруг него было красиво по-прежнему; но он этого не замечал, и все остальные казались ему способнее его. «Ах, как легко жить этим растениям: сама земля кормит их! Ах, как счастлива эта мышка: у ней по крайней мере есть шерсть, согревающая ее! Ах, как весела эта птичка; мухи сами собой влетают ей в клюв! И каким большим кажется ей свет!» Так думал Аргентин; он не видел ни сухости, которая делает желтым растение, ни кошки, подстерегающей мышь, ни ружья, ни ястреба, истребляющего птичек. Всё время повторяя про себя эти глупости, Аргентин начал думать о доброй царице, о которой мать рассказывала ему, о могущественном ящерном короле, которому отец верно служил. «Они обещали мне покровительствовать, — думал он, — теперь я настолько несчастен, насколько могу быть; не пойти ли мне к ним?» Сказано — сделано, и однажды вечером, когда он более, чем когда-нибудь слушался советов своей маленькой, глупой головки, он не возвратился домой. Это была лунная ночь; вот он идет наугад через неизвестные страны. Когда луна исчезла, он спрятался между двумя камнями и ждал ее возвращения. О! Как ночь длинна! Он не забыл надеть свои прекрасные сапоги и большую золотую каску. Но это ему во все не придавало храбрости, и в этой чужой стране раздавались иногда страшные звуки. «У-гу!» — кричала огромная, черная тень, проносящаяся над ним. «Тик-так-так!» — ворчал вдалеке чей-то грубый голос. Наконец наступило утро. Аргентин снова отправился в путь. Но куда? Конечно он не смел направить путь в сторону от родителей, и вдруг он заметил, что страна гораздо больше, чем он предполагал. Найдет ли он королевский дворец? Так шел он прямо, подымая там и сям встречаемых насекомых, но только что схватил красивую бабочку, как вдруг грубый голос около него заставил его вздрогнуть; бабочка улетела, и Аргентин, припав к земле, искал глазами дыру, чтобы спрятаться. — Стой, товарищ! — повторил грубый голос. — Кто тебе позволил охотиться на моей земле? Это была толстая коричневая ящерица, которая

смотрела на Аргентина с гневом и жалостью, видя, что он дрожит. — Ничего, ничего: ты более рассеян, нежели зол! Но разве может так рано гулять по дороге ребенок твоих лет? Откуда ты? Куда ты идешь? Оба ответа были легки; но кто ответил бы спокойно: «Я убежал от родителей!?» Другой ответ был приятнее. Аргентин отвечал: — Я иду к Его Величеству, нашему королю. — И ты думаешь, что наш король так сейчас же и примет тебя, маленький карапуз? Еще немного, и ящерица разразилась бы смехом. — Непременно, — отвечал Аргентин таким уверенным тоном, что ящерица стала к нему присматриваться. «Красные сапоги, каска, — подумала она. — Должно быть, это маленький паж, который возвращается ко Двору!» И она прибавила вслух: — Итак, доброго пути, мой дружок. Но, если хочешь мне верить, поторопись, так как я боюсь грозы в будущую ночь. Иди кратчайшей дорогой, мимо того большого тополя; король еще вчера судил там своих подданных. Как же обрадовался Аргентин, отправившись вновь по дороге. Он поблагодарил старую коричневую ящерицу за ее советы и пошел к старому тополю так быстро, как только позволяли ему его маленькие ножки. Тополь был далеко; он должен был идти целый день... И по каким дорогам!.. «О, мои сапоги! О, моя каска! Сколько кусков оторвано колючками шиповника!» Но вечером, достигнув дерева, он очутился в середине королевской свиты. Сам король с королевой были там и сидели на подушках из моху, усеянного цветами, и оба помрачали солнце в своих зеленых, шитых золотом одеждах. — Чего хочет этот бедный иностранец — скоро спросил король одного из своих приближенных. Аргентин, растерянно остановившись, подумывал о побеге. Но ему пришлось приблизиться и отвечать: — Ах, сир, я очень несчастен! Помогите мне!.. Вы обещали это моим родителям, а именно вашему гвардейцу Прекрасной Чешуйке и Аргентине, фрейлине царицы! — Это правда, — сказал король. — Я это помню. Напиши свои несчастья и принеси мне. Я поступлю справедливо! И, сделав ему дружественный знак, подозвал других просителей. — Написать?!.. Где мне написать?!.. На чем?!.. — вскричал бедный Аргентин. Королева следила за ним глазами. Она знаком подозвала его к себе. — Ты сын моей доброй Аргентины, — сказала она ему. — Я не забыла ее и ради нее хочу тебе помочь. Вот тебе мой шарф; он сделан из тонкой березовой коры; на нем можно писать. Иди и составь свою просьбу. Советую тебе одно: сложи шарф вдвое и против несчастий не забудь написать и радости, как бы они ни были малы и редки. Теперь иди и, если твои несчастья случайно рассеются, сохрани мой шарф. Я дарю тебе его! Гроза разразилась сильнее и сильнее. Начал греметь гром, король с королевой и со всей свитой поспешили удалиться. Когда они исчезли, Аргентин еще складывал шарф, чтобы он не смялся и чтобы его можно было положить под листок от дождя. Когда наконец ему это удалось, он сам спрятал[ся] в древесное дупло и провел там хоро-

шую ночь, полную приятных сновидений. На следующий день солнце блесло сильнее обыкновенного. Аргентин пустился в путь при его первых лучах. Можно было подумать, что он боится опоздать. Действительно, он боялся опоздать увидеть своих. Он не забыл шарфа и, оберегая его на всякий случай, [он] шел так скоро, так скоро, что в тот же вечер достиг подножия стены, в которой было родительское гнездо. Он спрятал шарф в пустую щель и легко вскарабкался в гнездо. Входя, он услышал, как отец говорил матери: — Я весь день бегал по окрестностям. Нигде нет его! И мать печально вздохнула, пробормотав: — Бедный, милый ребенок! — Я вернулся, я тут! — вскричал Аргентин, бросаясь к родителям. Сколько ласок, сколько радости! — Где ты был, скверный мальчик? Аргентин рассказал всю свою историю, но не упомянул ни о том, зачем он путешествовал, ни о шарфе. Отец принял это за юношеское любопытство, мать — за рассеянность; его побранили и простили. На следующий день он попросил погулять и побежал в лес, где был большой дуб; он поднял желудиную скорлупку; затем, улучив минутку, когда прачки у ручья были особенно заняты стиркой и болтовней, он погрузил скорлупку в струйку воды, синей от синьки, и принес с большими предосторожностями эту крошечную чернильницу к шарфу царицы. Дупло было шириною с комнатку. Аргентин развернул шарф и сложил, как сказала ему царица. Затем он написал соломинкой и синей водой на одной страничке: «Мои несчастья», а на другой: «Мои радости». Тут он подумал: «Вот эту страничку я не заполню». И наоборот, он хотел начинать другую... «1) Иметь столько маленьких братьев... Да нет! Это радость: гораздо лучше играть вместе. 2) Иметь такое узкое гнездо... Да вовсе нет! Так теплее и безопаснее. 3) Самому добывать завтрак... Это правда, но, приготавливая его сам, имеешь гораздо больше прав выбирать любимые кусочки. 4) Слушаться родителей... Но зато родители меня любят, а любимым быть очень приятно. За мной ухаживают, меня защищают. Кажется, счастья и радостей больше, чем несчастий. На что же мне жаловаться? На солнце? На дождь?» Поверьте, что здесь Аргентин нашел себе успокоение и страница радостей наполнилась гораздо скорей страницы несчастий. Тогда Аргентин навсегда оставил прошение к королю, а что касается радостей, то он увидел, что шарф никогда не будет достаточно длинен, чтобы всех их переписать. Итак, он погрузил его весь в цветную воду, чтобы смыть следы писанья, и подарил шарф небесно-голубого цвета матери, которая никогда не догадалась, для чего он служил.

Конец

Автограф: Вестник. 1894. № 7, июль. Л. 83–83 об.; № 8, август. Л. 88–89; № 9, сентябрь. Л. 97 об.–98 об.; № 10, октябрь. Л. 109–110 об.; № 11, ноябрь. Л. 115–116; подпись: «перевод: А. Блок».

Текст в *Mon Journal*: 1889. № 9. 15 juin. P. 131–136. Название: «Les malheurs d'Argentinet»; подпись автора: F. C. Посвящение: «A mon petit cousin Eugène L...» («Моему маленькому двоюродному брату Евгению Л.» — *фр.*).

Это бездельник!

(с французского)

Посмотрите на картинку: она изображает сельскую школу; учитель — на кафедре; в глубине видны головы с любопытством смотрящих учеников; у кафедры стоит один из их товарищей — маленький Жак, тот самый, у которого есть старая бабушка. Маленький Жак не учится, он над всеми подшучивает, он дерзок с учителем, он прячет майских жуков в свой пюпитр, а вчера он пустил в класс двух маленьких, белых мышек; вообразите себе, как все смеялись, какой произошел беспорядок. Вообразите себе, как рассердился учитель, услышав на уроке географии тихое «кюик, кюик» и видя маленькую мышь, которая лезла на карту в ту самую минуту, когда он показывал Эльзас и Лотарингию¹⁷. Он посмотрел сначала на мышь, потом на учеников, и спросил: — Кто это сделал? Кто это сделал? Конечно маленький Жак. Никто его не выдал, но все сразу увидели, что виноват он, потому что он покраснел, как рак. При выходе из класса учитель сказал ему: — Пусть твоя бабушка придет завтра поговорить со мной. И вот она тут, бедная старушка; она сидит на скамейке, с большой корзинкой в руках, и имеет вид подсудимой, а учитель, рассказывая ей проделки Жака, говорит, смотря через очки: — Это бездельник! Это слово отдается в ушах у Жака; он знает, что бездельник — это мальчик, на которого никто рассчитывать не может, которого товарищи избегают, как опасно больного! Приговор учителя заключается в удалении Жака из школы. Вы можете видеть их обоих, возвращающихся домой: Жак идет в двух шагах сзади бабушки и бесится, ворчит, сердится на всех, кроме себя самого. — Что она с ним сделает — спрашивают друг друга пораженные ужасом товарищи. — Она его прибьет! — бормочет несколько голосов. — Тише!!! — кричит учитель, и прежний порядок водворяется; урок возобновился. В самом деле, прибьет ли она его? Нет, она просто вошла в дом, не обращая на Жака внимания; она пошла за водой; потом, без всяких жалоб, согнувшись вдвое, она отправилась в лес за дровами для ужина и воротилась готовить кушанье; Жак смотрел на нее; когда он возвращался из школы, он никогда не спрашивал себя, работала ли бабушка для него целый день. Он не бывал дома даже по праздникам; если бабушка просила его погулять с ней, он всегда находил случай отделаться от этого: он назначил свидание своему товарищу и должен был спешить. По-настоящему же он просто находил, что бабушка тихо ходит; он не думал о том, что было время, когда он сам

ходил еще тише и падал на каждом шагу; и при этом его поднимала бабушка. А научившись бегать, он оставил бабушку далеко за собой. А! Учитель назвал его бездельником за злое поведение в классе; скорее же бабушка могла его так назвать; а, между тем, она не ворчала, а была только печальна. Жак ожидал хорошего наказания и предпочел бы его молчанию бабушки. Мысли мешались в его голове, и он не мог уснуть; для успокоения совести ему достаточно было подойти к постели бабушки — она не спала конечно — и попросить у нее тихонько прощения; но ложный стыд его останавливал. На следующее утро, в тот час, когда он обыкновенно ходил в школу, он увидел бабушку, уходящую с бельем. Она белила его, чтобы зарабатывать свой хлеб; между тем, было очень холодно; тогда Жаку пришло на мысль затопить печку, чтобы бабушка могла согреться, вернувшись. Но он взялся за это так небрежно, что старушка, по возвращении, должна была ему дать здорового тумака. В самом деле Жак никуда не годился. Днем бабушка сводила его к одной даме, обещавшей дать ему старого платья, которое ее сыну более не годилось; дама, казалось, относилась к бабушке как могла деликатнее и сказала ей, лаская Жака: — Ну, моя бедная женщина, хотя вы так много претерпели, но Бог послал вам утешение в этом мальчугане! Жак не смел слушать ответ бабушки, чувствуя, что он вовсе не утешение. Гром, глухо гремящий на небе, сильно пугает вас, не правда ли? И вы с нетерпением ждете дождя. Но как только тучи разряжаются и первые капли дождя падают на землю, вы говорите: «Гроза скоро пройдет!» В сердце Жака с предыдущего дня гремел гром и сталкивались облака гнева, гордости, самолюбия... Если бы только он мог растаять в сильном дожде — дожде из слез! Видите, как раздувается сердце Жака: теперь в нем вместо гнева появились угрызения совести. — Бабушка, — говорит он, прижавшись к ней, — бабушка! Я не буду больше бездельником! — Посмотри на меня, — говорит ему бабушка. Жак столько раз давал ей обещания, что она не хочет сразу верить его раскаянию. Он смотрит на нее, и она, видя слезы на его глазах, просто говорит ему: — Я тебе верю. Надеюсь, что ты когда-нибудь поймешь, что я для тебя сделала! — Бабушка, — снова говорит он, — сведи меня к учителю; я хочу и у него попросить прощения. Он чувствовал, что ребенок, как и взрослый, не может себе простить ошибку, если он ее не исправил. И он ее прекрасно исправил, сказав своему учителю перед всем классом: — Вчера я был виноват! А добрый учитель, показав ему скамейку, сказал: — Сядь на свое место, Жак! И глаза его, ищущие бабушку, говорили: «Я за него отвечаю; он будет хороший мальчик!» О, да! Жак с твердым намереньем решился быть хорошим мальчиком: больше никогда он не хочет слышать ужасное слово: «Это бездельник!»

Автограф: Вестник. 1894. № 12. Л. 137–140; подпись: «Перевод: А. Блок».

Текст в *Mon Journal*: «С' est un vaurien!»; 1889. № 7. 15 avril. P. 98–101; подпись: A. Verley. Под текстом перевода Блока указан автор оригинала. На л. 137 помещена картинка, вырезанная Блоком.

Три дара
Германская сказка
(с французского)

Три богатых студента, путешествуя для своего удовольствия, зашли однажды в хижину бедного ткача. Они сжалились над его бедностью и, уходя, дали ему 100 эю. Ткач Ганс, восхищенный таким благородством, отлично знал, на какие необходимые вещи употребить ему это сокровище. Но сначала он хотел хорошенько рассмотреть эти красивые, блестящие монеты, рассмотреть одному, ничего не говоря о них своей жене, которой не было дома, когда он получил это неожиданное сокровище. Позвенев этими чарующими золотыми монетами в своей эгоистической радости, он спрятал их в лохмотья, уверенный в том, что никто их там не найдет. Но вот однажды утром, когда Ганс ушел из дому, его жена, доведенная до крайности, решила взять старые, скомканные в углу лохмотья вместе со 100 эю и продать их странствующему торговцу, радуясь тому, что получит несколько мелких монет. Представьте себе отчаяние ткача, когда он узнал о злополучной продаже. В следующем году студенты возвратились в дом ткача, надеясь застать его в лучшем виде. Бедный Ганс рассказал им о своем несчастье, и они дали ему опять 100 эю. — На этот раз, — сказал ткач, — я спрячу деньги так, что никто их не найдет! И он спрятал их в пепел. Но жена продала кусок пепельного мыла со стами эю. В следующем году студенты пришли, и, узнав о новом несчастье Ганса, один из них бросил ему кусок олова. — Бесполезно пытаться сделать тебе добро. Вот наш последний подарок. Больше ты нас не увидишь. На следующий день деревенский рыбак пришел к Гансу, говоря: — Не найдется ли у вас в доме случайно немного олова на удочку? Ткач отдал ему кусок, подаренный студентами. — Большое спасибо! — воскликнул рыбак. — Первую пойманную мною рыбу я подарю вам! В тот же день он приходит действительно с великолепной, жирной рыбой. Ганс, разрезав ее, нашел там какую-то странную вещь и не знал, что с ней делать. Он положил ее на окошко и увидел, что она блестит в темноте, как пылающий уголь. — Ага! — сказал Ганс. — Вот экономная лампа! На другой день к Гансу пришел купец, из любопытства просивший продать ему маленький камешек, лежавший на окошке; он сразу давал за него десять эю. — Нет, — сказал Ганс, — камешек мне нравится. За эту цену я не продам его. — Почему же — возразил купец. — Это простая причуда. Но если хочешь, я согласен дать за него двадцать эю. — Нет, нет! — отвечал ткач, предвидевший выгодную сделку. И действитель-

но — дошло до того, что купец предложил ему наконец тысячу эю. На эти деньги Ганс купил всё необходимое для восстановления своего ткаческого ремесла и усердно принялся за работу. Понемногу, вследствие хорошей работы и безукоризненного поведения, он разбогател и не забыл рыбака, который за кусок олова положил основание его богатству.

Автограф: Вестник. 1895. № 4, апрель. Л. 193–194; № 5, май. Л. 219 об.–220 об.; подпись: «Перевод: Абэ».

Текст в *Mon Journal*: «Les trois dons. Conte germanique»; 1889. № 4. 15 janvier. P. 59–60; подпись: X. Marmier. Под текстом перевода Блока указан автор сказки. *Ксавьер Мармье (Xavier Marmier) (1808–1892)* — французский писатель, переводчик.

*Огр Мор-Озан*¹⁸
(с французского)

На вершине крутой скалы возвышался замок «Коршунов», где жил огр Мор-Озан. Это был очень злой человек, вращавший, не переставая, своими страшными глазами. О нем рассказывали очень скверные истории, и он распространял страх в окрестности. Матери советовали детям убегать при его приближении, так как он завладевал теми, кого встречал, уносил их в свой замок, и более никто их не видел. Принц Мор-Озан их пожирал... Это был ужасный обжора. К тому же у него был всего один зуб в середине нижней челюсти, и когда он открывал рот, то оттуда выглядывал заостренный клык. Он говорил некоторым, что вся его сила заключалась в этом единственном зубе, и волшебник предсказал ему, что если кто-нибудь вынет его, то он сделается слабым, как баран. «Но кто же, — прибавлял он, — кто же посмеет напасть на непобедимого Мор-Озана?» В то же время жил в соседнем городке маленький пирожник по имени Баба́; это был очень храбрый мальчик, который каждый день ходил в замок огра, носить пирожные, сделанные Берлинготом, его патроном. Наш огр был страшно жаден и потому щадил ребенка как доставителя лакомств. Баба́ решил воспользоваться своей привилегией. Он знал предсказание волшебника, и вот что он придумал. Однажды он шел в замок с тортом из варенья. Вдруг он остановился. Затем, убедившись, что дорога свободна и что ни один из слуг принца не мог его увидеть, он наклонился и поднял маленькие камешки. Положив их в торт, он облил их вареньем так, что нельзя было их заметить. Огр как раз кончал обедать, когда он пришел. — Ах он, каналья-поваренок! — закричал он. — Ты приходишь поздно. Я уже за десертом! Затем он вырвал торт из рук мальчика и стал с жадностью пожирать его. Как только куснул он тесто, так испустил ужасный крик, между тем как его зуб, его единственный зуб, упал на пол... Он

был совершенно сломан камешками. Баба́ не мог не засмеяться, такая жалостная и вместе злая была физиономия ога. Последний бросился к нему со сверкающими глазами. Но Баба движением руки заставил его упасть на пол... Потеряв зуб, Мор-Озан потерял и силу. Слуги, ненавидевшие его, крепко связав, посадили его в железную клетку, где он провел остаток своих дней. Что же касается Баба́, то благодарный народ подарил ему именья ога, чтобы вознаградить за храбрость, и когда он сделался большим, то был любим всеми за свои благодеяния. Еще показывают в замке «Коршунов» железную клетку, где Мор-Озан кончил свое преступное существование.

Автограф: Вестник. 1895, июль, приложение за 2-е полугодие. Л. 261 об.–263; подпись: «Перевод: А. Блок».

Текст в *Mon Journal*: «L'ogre Mor-osan»; 1889. № 4. 15 janvier. P. 61–64; подпись: Eugène Le Mouel. Под текстом Блока указан автор оригинала: Евгений Муэль.

Три замка Рибовильи¹⁹
(с французского)

Эльзас — страна легенд. (Рис. 5). У всех замков, развалины которых высятся на горных вершинах, более или менее чудесная история. В вечернюю пору старики охотно повторяют легенды, переходящие из рода в род. Три замка Рибовильи, возвышающиеся на трех холмах, подобно углам треугольника, еще представляют величественное целое для глаз туриста. Вид их вместе и грандиозен, и таинствен. Ни один местный житель не осмелится идти ночью в эти развалины. В известный день года, при первых лучах зари, когда три замка еще едва выделяются из мрака, покрывающего окрестные равнины, говорят, слышен очень отчетливо свист стрелы, рассекающей воздух, и раздирающий крик раненого, будящий эхо вокруг скал. Хотите знать печальную историю трех замков? Вот она вся в ее мрачной действительности. Уже очень давно, во времена храбрых рыцарей, закованных в железо, замки были воздвигнуты тремя братьями, очень любившими друг друга. Когда один из них умер, другие решили отдать на медленное разрушение времени жилище усопшего брата. Еще более сблизившись от общего горя, они каждый день вспоминали вместе прошедшее. Долго жили они так; наконец, дожив до старости и не будучи в состоянии видеться каждый день, а тем более восстановить братские отношения, они придумали простое средство для переговоров. Каждое утро, на заре, тот, который вставал раньше, чтобы привлечь внимание запоздавшего, пускал стрелу из окна замковой башенки в стену другого замка. Однажды оба встали в одно время, вместе подошли к окну и одновременно выпустили стрелы, которые столкнулись на половине дороги. Но, увы! Одна

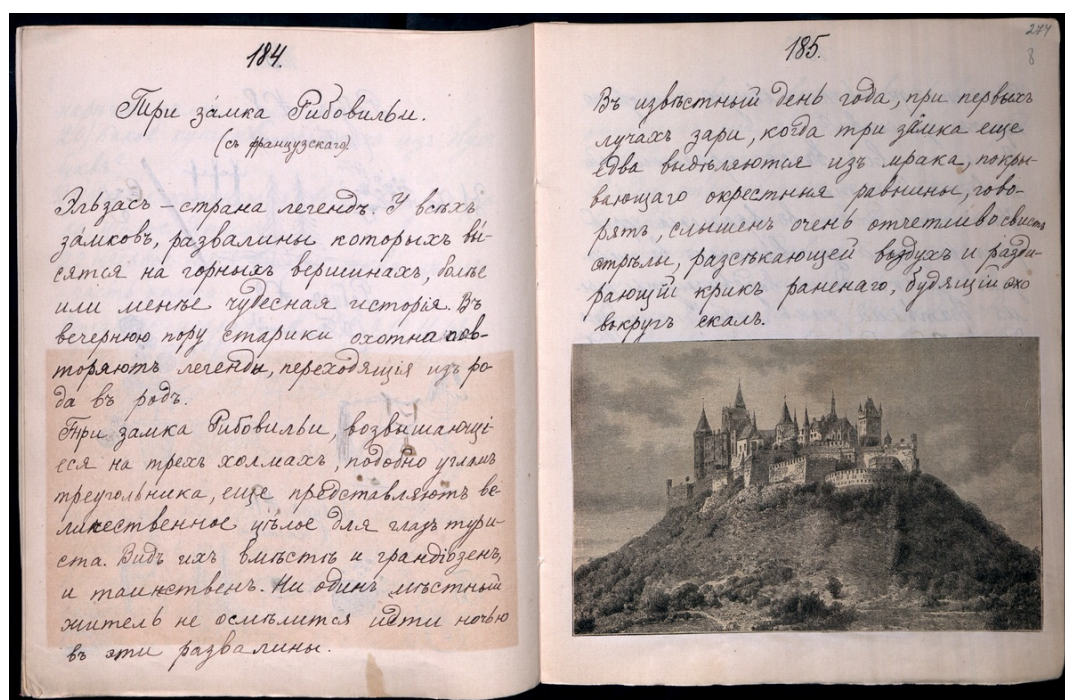

Рис. 5. Первая страница сказки «Три замка Рибовиллы»

стрела была направлена слишком хорошо и попала одному из братьев в самое сердце. Он тут же и умер. Третий брат, вечно преследуемый угрызениями совести за братоубийство, покинул страну и, несмотря на дряхлость, удалился в Святую Землю каяться в невольном убийстве. С тех пор никто, кроме ночных птиц и ветра, врывающегося в пустынные залы, не посещает замков, предоставленных на разрушение времени. Говорят, что в грозные ночи там блуждают призраки трех братьев.

Автограф: Вестник. 1895. № 8, август. Л. 273 об.–275 об.; подпись: «Перевел: А. Блок». Текст в *Mon Journal*: «Les trois chateaux de Ribeaupillé»; 1889. № 8. 15 mai. P. 130–131; подпись — F. C. Под текстом Блока указаны инициалы автора оригинала.

Примечания

- ¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 161. См. также: Собрание стихотворений: В 2-х тт. Т. 2. М.; Л., 1946. С. 341.
- ² ИРЛИ. Ф. 462. Ед. хр. 24.
- ³ «Ступинская библиотека» — серия детских книг, которые выпускались издательством А. Д. Ступина (1846–1915), основанным в Москве в 1868 г. Популярной была серия миниатюрного формата «Библиотечка Ступина».

- ⁴ Имеется в виду баллада В. А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер» (1823).
- ⁵ Имеется в виду «Песнь о моем Сиде» неизвестного испанского автора.
- ⁶ Двоюродный брат Блока Феликс Адамович Кублицкий-Пиоттух (1884–1970), в детстве его нередко звали Фероль.
- ⁷ Тетрадь хранится: ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 164.
- ⁸ Там же. Л. 14 об.
- ⁹ Подробнее о материалах журнала, а также «Колоса» см. в сообщении М. И. Дикман [Дикман 1980].
- ¹⁰ Он «несомненно содействовал и первым переводческим опытам Блока из древних» [Литературное наследие 1987, 605].
- ¹¹ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 4. Ед. хр. 4.
- ¹² Там же; курсив Е. Г. Бекетовой.
- ¹³ Имеется в виду тетка Блока С. А. Кублицкая-Пиоттух.
- ¹⁴ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 163.
- ¹⁵ См.: Библиотека А. А. Блока. Описание. Вып. 3. Л., 1986. С. 120. Выражаю признательность Н. Ю. Грякаловой, которая указала автору данный источник.
- ¹⁶ жук (примеч. Блока).
- ¹⁷ Эльзас — см. примеч. 18 к легенде «Три замка Рибовильи». Лотарингия (Lorraine) — историческая область на северо-востоке Франции.
- ¹⁸ Огр (Ogre) — людоед во французских сказках; другие значения этого слова: «жестокий человек», «обжора».
- ¹⁹ Правильное название городка — Рибовиллэ (другое название — Рибовиль). Эльзас — историческая область на северо-востоке Франции, на границе со Швейцарией и Германией. В Эльзасе находится один из старейших городков этого края Рибовиллэ; недалеко от него на возвышенности — три средневековых замка (XII–XIII в.): Верхний Рибопьер, Гирсберг и Св. Ульриха. Замками владела местная династия Рибопьер. Частично они сохранились.

Литература

Исследования

- Бекетова 1990* — Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. (Beketova M. A. Vospominaniya ob Aleksandre Bloke. M., 1990.)
- Библиотека 1986* — Библиотека А. А. Блока. Описание. Вып. 3. Л., 1986. (Biblioteka A. A. Bloka. Opisaniye. Vyp. 3. L., 1986.)
- Блоковский сборник–2* — Блоковский сборник–2. Труды Второй науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока. Тарту, 1972. (Blokovskii sbornik [2]. Trudy Vtoroi nauch. konf., posvyashch. izucheniyu zhizni i tvorchestva A. A. Bloka. Tartu, 1972.)

Вестник — Вестник — Комплект детского «журнала» А.Блока «Вестник» // ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 1. Ед. хр. 164. (Vestnik — Komplekt detskogo «zhurnala» A. Bloka «Vestnik» // IRLI. F. 654. Op. 1. Ed. khr. 164.)

Дикман 1980 — Дикман М. И. Детский журнал Блока «Вестник» // Литературное наследство. 1980. С. 203–214. (Dikman M. I. Detskii zhurnal Bloka «Vestnik» // Literaturnoe nasledstvo. 1980. S. 203–214.)

Литературное наследство 1980 — Литературное наследство. Т. 92. Кн. 1. М., 1980. (Literaturnoe nasledstvo. Т. 92. Кн. 1. М., 1980.)

Литературное наследство 1987 — Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. (Literaturnoe nasledstvo. Т. 92. Кн. 4. М., 1987.)

Письма к родным 1927 — Письма Александра Блока к родным. Т. 1. Л., 1927. (Pis'ma Aleksandra Bloka k rodnym. Т. 1. L., 1927.)

Vyacheslav Bystrov

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences

ON THE PAGES OF CHILDREN'S "MAGAZINES" OF SASHURA BLOK

The article studies on the reading of Alexander Blok at an early age. The role of the poet's mother A. A. Kublitskaya-Piottukh, his aunt, M. A. Beketova, and other close relatives in the development of the creative skills of the boy has been indicated. This was facilitated by the whole special atmosphere of honoring art, literature, science, which prevailed in the Beketov family. This was unique case of homemade "magazines"-babies ("Kids Magazine", "Ship", etc.), which Sasha, in seven or eight years, created with the help of his mother. The article focuses on the creative activity of the Blok teen years, presented in the handwritten "journal" — "Bulletin". Brief overview of the texts of the Blok's gymnasium years composed in various genres (poems, prosaic miniatures, dramatic scenes, etc.) was made. The influence of the samples of Russian and world literature on the young Blok was noted: he consciously and unwittingly imitated them. The article based on archival materials from the funds of the Institute of Russian Literature (Pushkin House). For the first time, the unpublished youthful translations of the Blok from French language are reproduced with annotations. The text is supplemented with illustrations that give an idea of the handmade "magazine" (the cover of one of the numbers, the home pages of the tales "Misfortunes Argentina" and "The Three Locks of Ribovilia").

Keywords: reading of A. Blok-child, children's journal of A. Blok "Bulletin", translations of the A. Blok, children's poetry and prose of A. Blok